

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-98-110

*О. В. Кузнецова*¹

ПАРАДОКСЫ ВЫБОРА ПРИОРИТЕТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ²

В статье анализируются сформулированные в Стратегиях пространственного развития Российской Федерации (на период до 2025 года и на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года) пространственные приоритеты и показывается, что выбор таких приоритетов сталкивается с целым рядом противоречий и парадоксов. Прежде всего, это размытость пространственных приоритетов, хотя необходимость их выбора является общепризнанной. Такая ситуация объясняется как объективной целесообразностью обеспечения многовекторности федеральной пространственной политики, так и стремлением всех без исключения субъектов Федерации увидеть в Стратегии перспективы федеральной поддержки своего социально-экономического развития. В статье показывается невозможность опоры только на восточный вектор пространственного развития, в том числе приводятся статистические данные, иллюстрирующие инерционность территориальных пропорций и роль в экономике страны разных её макрорегионов. Одним из субъективных факторов размытости пространственных приоритетов называется неоднозначность интерпретации накопленного исторического опыта управления пространственным развитием и оценок его применимости к современным и будущим реалиям, в том числе в части постановки задачи более равномерного размещения производительных сил, принятия решений по реализации крупных инфраструктурных проектов, отношения к перспективам трансформации системы расселения, определения состава экономических районов.

Ключевые слова: Россия, стратегия пространственного развития, манёвр на восток, исторический опыт, научно-технологическое развитие, система расселения, экономические районы.

УДК 332.14

Проблематика пространственного развития и его федерального регулирования является для России неизменно актуальной, а стратегии пространственного развития страны стали неотъемлемой частью федерального стратегического планирования. Первая такая стратегия была утверждена в начале 2019 г. (далее – Стратегия-2025), вторая – в конце 2024 г. (Стратегия-2030)³. Обсуждению Стратегии-2025 были посвящены сотни публикаций [1], включая монографические [2; 3]. В Институте народнохозяйственного

¹ *Ольга Владимировна Кузнецова*, заместитель директора по научной работе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47), д-р экон. наук, профессор, профессор РАН, e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

² Подготовлено по материалам доклада на XI Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2026) «Экономика России в условиях трансформации мироустройства и перспектив нооперехода» (26 марта 2026 года)

³ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» и Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года и с прогнозом до 2036 года».

прогнозирования РАН был подготовлен научный доклад, приуроченный к подготовке Стратегии-2030 [4], которая тоже уже получила немалый отклик⁴. Отмечая прогрессивность самого факта появления стратегий пространственного развития страны (до 2019 г. подобного рода документов в России не было), подавляющее большинство исследователей в той или иной мере акцентирует внимание на их недостатках, в т. ч. ставя под сомнение корректность предлагаемых приоритетов пространственного развития.

В данной статье мы рассматриваем сформулированные в Стратегии-2025 и Стратегии-2030 приоритеты пространственного развития, при этом цель статьи – показать, что выбор таких приоритетов сталкивается с целым рядом противоречий или парадоксов. Статья является изложением авторской позиции, основанной на личном участии в подготовке и обсуждении стратегий пространственного развития, опирающейся в т. ч. на анализ научной литературы и статистических данных⁵.

Размытость приоритетов пространственного развития

Целью пространственного развития России в Стратегии-2025 было названо «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития РФ, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны». В Стратегии-2030 цель сформулирована по-иному, но по смыслу примерно так же: «формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики РФ, которое будет способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности». Такие цели являются вполне очевидными и соответствующими сложившимся в теории и общемировой практике представлениям [4].

Приоритеты пространственного развития в Стратегии-2025 были сформулированы следующим образом:

- опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала,
- развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории РФ,
- социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста.

В окончательной редакции Стратегии-2025 2022 г.⁶ появился ещё один приоритет – развитие приграничных муниципальных образований с учётом их стратегического значения, существующего уровня и потенциала социально-экономического развития, а наряду с социальным обустройством территорий с низкой плотностью населения было предложено обеспечение их транспортной доступности и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры.

⁴ В частности, её обсуждению был посвящён 2 номер журнала «Вестник Российской академии наук» за 2025 год.

⁵ Все статистические данные в статье приводятся без учёта новых субъектов РФ.

⁶ В редакции распоряжения Правительства РФ от 30.09.2022 № 2877-р.

Пространственные приоритеты в Стратегии-2030 – это:

– система опорных населённых пунктов, которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики РФ и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий,

– основные направления развития федеральных округов РФ, Арктической зоны РФ и новых субъектов РФ, а также геостратегических территорий РФ, которые учитывают их специфику, новые вызовы и возможности для их развития.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что при формальном наличии сформулированных пространственных приоритетов, реально они определены не были. Особняком стоят лишь территории, которые в Стратегии-2025 были названы приоритетными геостратегическими – Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа, Арктическая зона РФ, Крым и Калининградская область. Но наряду с ними в Стратегии-2025 к «просто» геостратегическим были отнесены все приграничные регионы, и в итоге в геостратегические попал 51 субъект РФ из тогдашних 85. Кроме того, перспективные центры экономического роста были найдены во всех субъектах Федерации: это разные по размерам города и городские агломерации (95 центров, включая все «столицы» регионов), 27 минерально-сырьевых и агропромышленных центров и 20 научно-образовательных центров мирового уровня.

В Стратегии-2030 геостратегическими названы прежние приоритетные геостратегические территории, а также новые субъекты РФ и граничащие с недружественными странами муниципальные образования. Но, как мы уже отметили, приоритетные направления развития обозначены для всех федеральных округов, а опорные населённые пункты выделены во всех без исключения субъектах РФ. Всего опорных населённых пунктов определено 2160 (включая новые регионы), в их число попали и города федерального значения. Таким образом, Стратегия-2030 отличается от Стратегии-2025 ещё большим числом выделенных центров.

За годы реализации Стратегии-2025 приоритетным геостратегическим территориям в федеральной пространственной политике уделялось повышенное внимание [4], вместе с тем некоторые из них столь обширны (Дальний Восток и Арктика), что априори не могут отличаться равномерным развитием своих пространств, и в их пределах также необходимо определение приоритетных объектов федеральной поддержки.

Причина подобной размытости приоритетов пространственного развития – в ещё одном противоречии. С одной стороны, есть всеобщее понимание того, что найти ресурсы на развитие всего и сразу невозможно, надо выстраивать некоторую последовательность решения задач (вложения инвестиций), а отсутствие продуманных приоритетов может привести к неэффективным расходам. С другой стороны, все субъекты Федерации (прежде всего, в лице своих органов власти) стремятся войти в число приоритетных, и при согласовании с ними стратегий пространственного развития федеральным органам власти это приходится неизбежно учитывать. Можно и нужно ли искать выход из этого противоречия – вопрос открытый, поскольку, как будет показано далее, по крайней мере на уровне макрорегионов все территории, действительно, приоритетны.

Восточный вектор или многовекторность пространственного развития?

Размытость пространственных приоритетов непосредственно в стратегиях пространственного развития, тем не менее, не означает отсутствие выбора таких приоритетов за пределами стратегий (в научных дискуссиях или в практике государственного управления). В качестве одного из таких приоритетов явно прослеживается «восточный вектор» [5] или «манёвр на восток» [6]. Дальний Восток стал одним из значимых объектов федеральной пространственной политики ещё в 1990-е годы, а с середины 2010-х гг. федеральное внимание к макрорегиону заметно усилилось. Решение задач развития не только Дальнего Востока, но и Сибири значимо независимо от внешнеполитических условий [4; 6], однако в дискуссиях последних лет явно или неявно подразумевается, что «поворот на Восток» в российских внешнеэкономических связях должен приводить к возрастанию роли в экономике страны её восточных регионов. Однако этого не происходит: Сибирский и Дальневосточный федеральные округа отнюдь не отличаются в последние годы ускоренными темпами экономического роста (табл. 1).

Таблица 1

Валовой региональный продукт и его динамика по федеральным округам России

Федеральные округа	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доли федеральных округов в суммарном ВРП, % (сумма по РФ = 100%)						
Центральный	36,0	37,5	35,4	34,5	35,9	35,5
Северо-Западный	11,0	11,2	13,4	13,3	11,9	12,1
Южный	7,8	7,0	6,5	6,9	6,8	6,7
Северо-Кавказский	2,4	2,4	2,2	2,1	2,2	2,3
Приволжский	14,6	14,2	13,8	13,8	13,8	14,1
Уральский	13,6	12,0	13,5	14,0	14,2	14,3
Сибирский	9,4	9,4	9,2	9,2	8,8	8,7
Дальневосточный	6,2	6,2	6,1	6,2	6,3	6,3
Индексы физического объёма ВРП, % к предыдущему году						
Всего	102,0	98,3	107,2	100,2	105,2	104,5
Центральный	102,7	100,3	109,3	98,9	108,4	105,8
Северо-Западный	101,9	98,1	112,2	97,5	99,8	106,4
Южный	101,2	98,6	104,4	104,7	105,7	102,9
Северо-Кавказский	101,7	99,8	104,9	102,2	107,3	105,6
Приволжский	102,1	97,2	103,3	101,6	106,2	104,7
Уральский	100,7	95,3	106,2	101,1	102,6	101,4
Сибирский	101,4	96,7	103,2	102,1	101,4	102,9
Дальневосточный	103,1	98,1	106,2	99,7	106,9	104,2

Источник: данные Росстата.

Более того, даже значимость дальневосточных морских портов, через которые идут внешнеторговые связи России со странами АТР, растёт очень медленными темпами (табл. 2). В качестве одной из причин такой ситуации называется недостаточная пропускная способность железных дорог в восточном направлении, но даже этот фактор является иллюстрацией общей закономерности, которую нельзя не учитывать, – чрезвычайной инерционности региональных пропорций, неоднократно отмечавшейся в научных исследованиях [7; 8]. Сложившиеся мощности морских портов, пропускная способность подъездных к ним путей не могут сколько-нибудь значимо измениться за считанные годы, тогда как существующие порты оказываются в состоянии приспособиться к новым внешним условиям [9].

Таблица 2

Распределение грузооборота морских портов России по бассейнам

Годы	Доля бассейна в общероссийском грузообороте морских портов, %				
	Балтийский бассейн	Арктический бассейн	Азово-Черноморский бассейн	Каспийский бассейн	Дальневосточный бассейн
2012	36,6	6,8	31,0	1,8	23,7
2013	36,6	7,8	29,6	1,3	24,6
2014	35,8	5,6	31,2	1,3	26,1
2015	34,1	5,2	34,4	1,0	25,3
2016	32,8	6,9	33,8	0,8	25,7
2017	31,4	9,4	34,2	0,5	24,4
2018	30,2	11,4	33,3	0,6	24,6
2019	30,5	12,5	30,7	0,9	25,4
2020	29,4	11,7	30,7	1,0	27,2
2021	30,3	11,3	30,7	0,8	26,9
2022	29,2	11,7	31,3	0,7	27,1
2023	28,1	11,1	33,0	0,9	26,9
2024	30,8	10,5	31,1	0,9	26,7
2025	30,7	9,8	30,0	1,0	28,5

Источник: расчёты автора по данным Ассоциации морских торговых портов.

Одновременно возникают вопросы и о том, реалистичен ли существенный сдвиг населения и экономической активности в восточные российские регионы и нужен ли он вообще [10]. Сложившаяся система расселения в России такова (табл. 3), что в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах в настоящее время проживает 24,5 млн чел. или менее 17% населения (с учётом новых субъектов РФ – ещё меньше). Для того

чтобы сбалансировать численность населения западной и восточной частей страны в Сибирь и на Дальний Восток должно переехать порядка 40 млн чел., что заведомо нереалистично и бессмысленно. Поэтому основной зоной расселения и экономической активности очевидно останется западная часть страны, и внешнеэкономические связи неизбежно будут ориентироваться в немалой степени именно на неё.

Таблица 3

Численность населения и её динамика по федеральным округам России

Федеральные округа	Численность населения на 2023 г., млн чел.	2023 г. к 2000 г., %	2023 г. в % к 2014 г.	Доля в населении 2023 г., %
РФ	146,3	99,8	99,9	100,0
Центральный	40,2	105,3	102,4	27,5
Северо-Западный	13,9	97,1	100,2	9,5
Южный	16,6	118,1	101,9	11,4
Северо-Кавказский	10,2	117,9	105,6	7,0
Приволжский	28,6	90,5	96,2	19,6
Уральский	12,3	98,1	100,1	8,4
Сибирский	16,6	91,2	96,6	11,4
Дальневосточный	7,9	87,0	95,7	5,4

Источник: данные Росстата и расчёты автора на их основе.

Крайне нежелательным видится и перекося в сторону обсуждения восточного вектора развития страны, что, конечно же, не отменяет значимости решения задач социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем, не меньшее значение имеет южный вектор, причём не только в связи с необходимостью развития и интеграции новых субъектов РФ в общероссийское пространство: на Юге России растёт численность населения, этот макрорегион является основной зоной сельскохозяйственного производства, основным рекреационным районом, значимым морским бассейном [11]. Можно привести аргументы в пользу приоритетности и других макрорегионов страны, причём включая Московский столичный регион. Именно здесь, а также в других субъектах РФ с городами-миллионниками сосредоточен основной кадровый потенциал научно-технологического развития страны (табл. 4), необходимый для решения задач обеспечения технологического суверенитета, технологического лидерства России. Немаловажное значение имеет и размещение по территории страны предприятий оборонно-промышленного комплекса.

**Регионы-лидеры по численности исследователей
и профессорско-преподавательского персонала, осуществляющего образовательную
деятельность по программам высшего образования по состоянию на 2024 г.**

№	Исследователи			Исследователи и профессорско-преподавательский состав		
	Субъекты РФ	Доля в РФ, %		Субъекты РФ	Доля в РФ, %	
		Региона	Накопленным итогом		Региона	Накопленным итогом
1	г. Москва	33,7	33,7	г. Москва	29,5	29,5
2	Московская обл.	11,0	44,7	г. Санкт-Петербург	10,4	39,9
3	г. Санкт-Петербург	11,0	55,6	Московская обл.	7,3	47,2
4	Нижегородская обл.	5,5	61,1	Нижегородская обл.	4,2	51,4
5	Свердловская обл.	3,0	64,1	Свердловская обл.	2,9	54,2
6	Новосибирская обл.	2,8	66,9	Респ. Татарстан	2,8	57,1
7	Респ. Татарстан	2,5	69,3	Новосибирская обл.	2,6	59,7
8	Челябинская обл.	2,0	71,4	Челябинская обл.	1,9	61,6
9	Самарская обл.	1,6	73,0	Самарская обл.	1,8	63,4
10	Воронежская обл.	1,6	74,6	Воронежская обл.	1,7	65,1
11	Пермский край	1,5	76,0	Респ. Башкортостан	1,6	66,7
12	Ростовская обл.	1,5	77,5	Красноярский край	1,6	68,3
13	Красноярский край	1,4	78,9	Волгоградская обл.	1,6	69,9
14	Респ. Башкортостан	1,3	80,2	Пермский край	1,4	71,3
15	Томская обл.*	1,3	81,5	Томская обл.*	1,4	72,7

* Томская область – единственный в таблице субъект РФ, центром которого является город с населением менее 1 млн чел.

Источник: расчёты автора по данным Росстата.

Таким образом, в социально-экономическом развитии страны значимы все её освоенные территории, что объясняет и в какой-то мере оправдывает размытость сформулированных в стратегических документах приоритетов пространственного развития, но не снимает вопрос необходимости выбора таковых.

**Неоднозначность интерпретации накопленного опыта
управленческих решений**

Итак, размытость пространственных приоритетов является отчасти объективной, отчасти субъективной – на практике реалистичным оказывается утверждение только такой стратегии, в которой каждый (именно каждый) субъект Федерации видит перспективы федеральной поддержки своего развития. Ещё одним значимым субъективным

фактором, как представляется, является неоднозначность интерпретации накопленного исторического опыта управления пространственным развитием и оценок его применимости к современным и, главное, будущим реалиям.

Одна из нередко предлагаемых задач пространственной политики – достижение более равномерного размещения населения и производительных сил со ссылками на успешный советский опыт решения такой задачи. На самом деле, за весь советский период идея необходимости «более равномерного» размещения производительных сил стояла на повестке дня только короткий период в 1930-е гг., тогда как и в предшествующие, и в последующие годы как руководителями страны, так и учёными говорилось о «рациональном» или «правильном» размещении, о «плановом пропорциональном» развитии народного хозяйства [10]. Более того, лидер советской экономической географии 1960-70-х гг. Ю.Г. Саушкин утверждал, что «субъективные «выравнивания» различий обходятся обществу очень дорого, берут много сил, средств, времени и в конце концов не дают желаемых результатов» [12, с. 534].

Другим примером обращения к прошлому является обоснование восточного вектора развития России известной фразой М.В. Ломоносова о том, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью...» [13]. Правда, полностью цитата – это «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке», т. е. в целом вообще не про Сибирь [14], не говоря уже о том, что во времена М.В. Ломоносова ключевое значение для экономического развития имели отличающиеся от современных факторы.

Третий пример – призывы к реализации крупных железнодорожных мегапроектов для освоения природных ресурсов в необжитых районах, опять-таки в основном на востоке страны, например, Северо-Сибирской железнодорожной магистрали. При этом в качестве аргументов выступают примеры строительства Транссиба и БАМа, которые строились в расчёте на будущий и сначала не вполне очевидный спрос, а в настоящее время обеспечивают уже упомянутый поворот России на Восток в её внешнеэкономических связях. Не отрицая этого обстоятельства, тем не менее, на опыт Транссиба и БАМа можно посмотреть и по-иному.

Проект строительства Транссиба запускался тогда, когда железнодорожный транспорт приходил на замену гужевым перевозкам и перевозкам по рекам [15]. Т. е. железные дороги в тот период – это однозначно инновационное решение, что нельзя сказать о нынешнем времени (о высокоскоростных железнодорожных магистралях мы сейчас не говорим). Сохранят ли железные дороги своё значение в будущем, ведь уже сейчас устойчиво возрастает значимость и технические возможности автомобильных грузоперевозок [16]?

Проект строительства БАМа был нацелен на обеспечение экспорта советских минеральных ресурсов при импорте зарубежного оборудования [17], что и имеет место в настоящее время. Но была бы ли в этом необходимость, если бы те средства, которые были направлены на строительство БАМа, были потрачены на развитие отечественных электроники, автомобилестроения, станко- и приборостроения? Более широко, проблема выбора приоритетов пространственного развития в том, что зачастую требуется широкий взгляд на перспективы экономического и научно-технологического развития страны и обсуждение принципиальным образом различающихся альтернатив инвестирования всегда ограниченных ресурсов.

Можно привести и обратный пример, когда, наоборот, прошлый опыт как бы «забывается». Одним из самых противоречивых сюжетов в Стратегии-2030 (как и её предшественнице) является определение перспектив системы расселения. С одной стороны, говорится о создании условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации, в т. ч. для прекращения оттока постоянно проживающего населения из регионов Сибири, Дальнего Востока и Арктики, малых и средних городов, сельских территорий. С другой стороны, о стимулировании трудовой мобильности с учётом кадровых потребностей территорий и даже о создании новых экспериментальных населённых пунктов (населённых пунктов, в которых реализуются новые подходы в сфере демографии, жилищного строительства, экономического, научно-технологического развития и иных сферах). Вполне логично ожидать, что трудовая мобильность будет обеспечиваться отнюдь не за счёт жителей благополучных городов, а за счёт жителей периферийных, проблемных территорий, к числу которых как раз и относятся северные и восточные регионы, небольшие населённые пункты.

В ходе идущих дискуссий по перспективам системы расселения очень часто подразумевается, что сложившаяся система населённых пунктов не должна меняться. Но может ли система расселения оставаться неизменной в условиях меняющейся структуры экономики и появления новых технологий? Что было бы, если бы задача сохранения сложившейся системы населённых пунктов ставилась бы в ходе индустриализации страны? Добавим также, что вопросы «сжатия» российского освоенного пространства начали обсуждаться ещё в советский период, и опыт решения таких вопросов тоже очень неоднозначный [18].

Другим примером недоучёта прошлого опыта может являться ситуация с экономическим районированием страны. «Районирование всегда было «визитной карточкой» российской географии: оно имеет самую богатую в мире историю» [19, с. 19]. В ходе становления теории экономического районирования возникло понимание того, что границы экономических районов не являются раз и навсегда заданными, они меняются со временем [20]. Однако этот факт почему-то не принимается во внимание и, например, в ходе обсуждения развития восточных регионов страны Тюменская область без каких-либо сомнений продолжает считаться частью Сибири как экономического района, а Уральский федеральный округ – сугубо «искусственным» административным образованием. На самом деле такой подход по меньшей мере спорен. Тюмень имеет транспортную связность с городами, прежде всего, Урала (от Тюмени до Екатеринбурга по автомобильной дороге около 330 км, до Челябинска – 420 км, Кургана – 200 км, тогда как до ближайшего «столичного» города в Сибирском ФО – Омска – 630 км, а Новосибирска – 1280 км; с достройкой автодороги М-12 «Восток» связи Тюмени с регионами к западу от неё станут ещё теснее). Связанные с основной отраслью специализации – нефтегазовым сектором – экономические связи Тюменской области складываются больше с уральскими регионами: Башкирия – значимый «донор» вахтовых рабочих (по данным Башстата, в 2022 г. 8,9% занятого населения Башкирии выезжали на работу в другие регионы, из них 63% – в Тюменскую область), Урал – значимый центр трубного производства, в структуре «Транснефти» есть АО «Русские электрические двигатели» – созданное в 2015 г. производство в Челябинске.

Заключение

Таким образом, как мы показали в данной статье, определение приоритетов пространственного развития – задача, заведомо не имеющая простых и однозначных решений. При этом обозначаемые в стратегических документах пространственные приоритеты неизбежно являются отражением не только представлений о национальной безопасности, о социальных и экономических целях и задачах пространственной политики, но и политических реалий, а именно стремления всех без исключения субъектов Федерации быть приоритетными. Вместе с тем, федеральная пространственная политика, действительно, должна быть многовекторной.

В дискуссиях по приоритетам пространственного развития важным представляется опираться не только на устоявшиеся стереотипы, которые подчас оказываются устаревшими или даже не вполне корректными, но и в большей степени на современные реалии и будущие изменения, включая дальнейшее технологическое развитие. Именно на таком подходе должно основываться решение таких важнейших вопросов, как определение направлений развития восточных регионов страны (как одного из значимых, но не единственного вектора пространственного развития), перспектив трансформации системы расселения, а также выбора приоритетных инфраструктурных проектов, особенно в транспортной сфере.

Список литературы

1. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. № 3. С. 3-26. DOI: 10.15372/REG20210401
2. Новая пространственная стратегия для России / Отв. ред. Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский. – М.: Институт экономики РАН, 2020. – 250 с.
3. Институциональные основы новой стратегии пространственного развития российской экономики // Отв. ред. Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 340 с.
4. Россия 2035: пространство развития. Научный доклад / Под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широга. – М.: Динамик Принт, 2025. – 364 с.
5. Минакир П.А. Восточный вектор развития: новые вызовы и ожидания // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 67-73. DOI: 10.14530/reg.2023.1.67
6. Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственный маневр на восток: факты, барьеры, решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 252. № 2. С. 30-50. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-30-50
7. Артоболевский С.С., Бабурин В.Л., Бакланов П.Я., Касимов Н.С., Колосов В.А., Котляков В.М., Люри Д.И., Тишков А.А. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 3. С. 8-17.
8. Михеева Н.Н. Исходные условия для формирования новой модели экономического роста: пространственный аспект // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. Т. 14. С. 586-605.
9. Кувалин Д. Б., Щербанин Ю. А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 4. С. 62-78. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-4

10. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Приоритеты пространственного развития России. «Сибиризация» или сбалансированная многовекторность? // Федерализм. 2026. Т. 31. № 1. С. 21-43. DOI: 10.21686/2073-1051-2026-1-21-43
11. Дружинин А.Г. Пространственное развитие Юга России: пролонгированные тренды, актуальные структуры // География и природные ресурсы. 2025. Т. 46. № 2. С. 28-40. DOI: 10.15372/GIPR20250203
12. Саушкин Ю.Г. Объективные законы диалектического взаимодействия различных форм движения материи, времени, земного пространства // Известия Всесоюзного географического общества. 1980. № 6. С. 530-536.
13. Бороноев А.О. М.В. Ломоносов о роли Сибири в развитии России. К вопросу о его геополитических взглядах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 2. С. 210-216.
14. Козиков И.А. М.В. Ломоносов о развитии производительных сил России // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 191-202.
15. Терёшина Н.П., Флягина Т.А. История экономики транспорта. – М.: МИИТ, 2016. – 187 с.
16. Николаев Р.С. Современные тенденции развития грузоперевозок автомобильным транспортом в России: структурные и логистические аспекты // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 290-306. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.4.22
17. Савченко А.Е. Зачем строили БАМ? Другая сторона последнего мегапроекта на востоке СССР // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 52-68. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-1-52-68
18. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути её решения // Общественные науки и современность. 2024. № 4. С. 114-127. DOI: 10.31857/S0869049924040094
19. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19-29.
20. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2. С. 79-97. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-2-79-97

References

1. Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. (2021) Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii kak rezul'tat vzaimodeystviya nauki i vlasti [Spatial Development Strategy of Russia as a Result of Science and Authorities Interacting]. Region: Economics and Sociology, 4, pp. 3-26. DOI: 10.15372/REG20210401
2. Bukhvald E. M., Vilensky A. V. (Eds.) (2020) Novaya prostranstvennaya strategiya dlya Rossii [A New Spatial Strategy for Russia]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 250 p.
3. Bukhvald E. M., Vilensky A. V. (Eds.) (2023) Institutsional'nyye osnovy novoy strategii prostranstvennogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Institutional Foundations of a New Strategy for the Spatial development of the Russian Economy]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 340 p.
4. Shirov A. A. (Ed.) (2025) Rossiya 2035: prostranstvo razvitiya. Nauchnyy doklad [Russia 2035: A Space for Development. Scientific Report]. Moscow: Dinamik Print. 364 p.

5. Minakir P. A. (2023). Vostochnyy vektor razvitiya: novyye vyzovy i ozhidaniya [Eastern Vector of Development: New Challenges and Expectations]. *Regionalistics*, 10 (1), pp. 67-73. DOI: 10.14530/reg.2023.1.67
6. Kryukov V. A., Kolomak E. A. (2025) Prostranstvennyy manevr na vostok: fakty, bar'yery, resheniya [Eastward Thrust: Facts, Barriers, Solutions]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 252 (2), pp. 30-50. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-30-50
7. Artobolevsky S. S., Baburin V. L., Baklanov P. Y., Kasimov N. S., Kolosov V. A., Kotlyakov V. M., Lyuri D. I., Tishkov A. A. (2009) Strategii prostranstvennogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii: geograficheskiye resursy i ogranicheniya [Spatial Development Strategies in the Russian Federation: Geographical Resources and Limitations]. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geography*, 3, pp. 8-17.
8. Mikheeva N. N. (2016) Iskhodnyye usloviya dlya formirovaniya novoy modeli ekonomicheskogo rosta: prostranstvennyy aspekt [Initial Conditions for Formation of New Model of Economic Growth: Spatial Aspect]. *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 14, pp. 586-605.
9. Kuvalin D. B., Shcherbanin Y. A. (2023) The Adaptation of Russian Regions' Economies to the Rupture of Relations with Europe: The Case of Baltic Sea Ports. *Baltic Region*, 15 (4), pp. 62-78. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-4
10. Druzhinin A. G., Kuznetsova O. V. (2026) Prioritety prostranstvennogo razvitiya Rossii. «Sibirizatsiya» ili sbalansirovannaya mnogovektornost'? [Priorities in Russia's Spatial Development. "Siberian Focus" or a Balanced Multidirectional Approach?]. *Federalism*, 31 (1), pp. 21-43. DOI: 10.21686/2073-1051-2026-1-21-43
11. Druzhinin A. G. (2025) Prostranstvennoye razvitiye Yuga Rossii: prolongirovannyye trendy, aktual'nyye struktury [Spatial Development of Southern Russia: Prolonged Trends and Current Structures]. *Geography and Natural Resources*, 46 (2), pp. 137-147. DOI: 10.1134/S1875372825700155
12. Saushkin Y. G. (1980) Ob'yektivnyye zakony dialekticheskogo vzaimodeystviya razlichnykh form dvizheniya materii, vremeni, zemnogo prostranstva [Objective Laws of Dialectical Interaction of Various Forms of Motion of Matter, Time, and Terrestrial Space]. *Proceedings of the All-Union Geographical Society*, 6, pp. 530-536.
13. Boronoev A. O. (2012) M. V. Lomonosov o roli Sibiri v razvitii Rossii. K voprosu o yego geopoliticheskikh vzglyadakh [Mikhail Lomonosov's Views on the Role of Siberia in Russia's Development. Questioning His Geopolitical Views]. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2, pp. 210-216.
14. Kozikov I. A. (2011) M. V. Lomonosov o razvitii proizvoditel'nykh sil Rossii [Mikhail Lomonosov on the Development of Russia's Productive Forces]. *Socio-humanitarian Knowledge*, 4, pp. 191-202.
15. Tereshina N. P., Flyagina T. A. (2016) Istoriya ekonomiki transporta [History of Transport Economics]. Moscow: MIIT. 187 p.
16. Nikolayev R. S. (2019) Sovremennyye tendentsii razvitiya gruzoperevozok avtomobil'nyim transportom v Rossii: strukturnyye i logisticheskiye aspekty [Modern Development Trends of Cargo Transportation by Road Transport in Russia: Structural and Logistical Aspects]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 4, pp. 290-306. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.4.22
17. Savchenko A.E. (2021) Zachem stroili BAM? Drugaya storona poslednego megaprojekta na vostoke SSSR [Why was the Baikal-Amur Mainline (BAM) Built? Another Side of the Last Megaproject in the East of the USSR]. *Russia and the Pacific*, 1, pp. 52-68. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-1-52-68
18. Druzhinin A. G., Kuznetsova O. V. (2024) Problema «szhatiya» rossiyskogo osvoyennogo prostranstva i puti yeye resheniya [The Problem of Shrinkage of the Active Space in Russia and the Possibilities of its Solution]. *Social Sciences and Modernity*, 4, pp. 114-127. DOI: 10.31857/S0869049924040094

19. Shuvalov V. E. (2015). Rayonirovaniye v rossiyskoy sotsial'no-ekonomicheskoy geografii: sovremennoye sostoyaniye i napravleniya razvitiya [Regionalization in Russian Socio-economic Geography: Development Directions]. *Regional Research*, 3, pp. 19-29.

20. Druzhinin A. G., Kuznetsova O. V. (2025) [Zoning in the Spatial Development of Modern Russia: Problematic Issues of Theory and Practice]. *Federalism*, 30 (2), pp. 79-97. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-2-79-97

O. V. Kuznetsova⁷. The Paradoxes of Selecting Spatial Development Priorities⁸. The article analyzes the spatial priorities stated in the Spatial Development Strategies of the Russian Federation (for the period up to 2025 and for the period up to 2030 with a forecast up to 2036) and shows that the selection of such priorities faces a number of contradictions and paradoxes. First of all, it is the vagueness of spatial priorities, although the need to determine them is generally recognized. This situation is explained both by the objective reasonability of ensuring a multi-vector federal spatial policy, and by the desire of all subjects of the Russian Federation, without exception, to see in the Strategy the prospects for federal support for their socio-economic development. The article shows the impossibility of relying only on the eastern vector of spatial development, including statistical data illustrating the inertia of territorial proportions and the role of its various macro-regions in the country's economy. One of the subjective factors of the vagueness of spatial priorities is the ambiguity of interpretation of the historical experience of spatial development management and assessments of its applicability to modern and future realities, including in terms of setting the task of a more even distribution of productive forces, making decisions on the implementation of large infrastructure projects, attitudes towards the prospects for the transformation of the settlement system, and determining the borders of economic zones.

Keywords: Russia, spatial development strategy, “pivot to the East”, historical experience, scientific and technological development, settlement system, economic areas.

⁷ *Olga V. Kuznetsova*, Deputy Director for Research at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47 Nakhimovsky pr., Moscow, 117418, Russia), Doctor of Economics, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, e-mail: kuznetsova_olga@mail.ru

⁸ The article is based on the report presented at the 11th Saint Petersburg International Economic Congress (SPEC-2026) “The Russian Economy amid the Transformation of the World Order and the Prospects for Nootransition” (26 March 2026).